

«Я не хотела видеть во взглядах жалость». Монологи о потерях. Часть 2

Люди научились летать в космос, варить тысячу видов пива и медитировать миллионом способов, но так и не научились справляться с потерями. Специально для ENU Times Анастасия Тумель записала монологи белорусок, переживших самую радикальную потерю: смерть ребенка. Кто-то ушел в религию, кто-то много лет боится притронуться к мужу, кто-то просто пребывает в отчаянии почти полвека. Перед вами — второй монолог

Ольга, 32 года:

У нас с мужем была дочь, но мы очень хотели мальчика. На двенадцатой неделе беременности поехали с мужем к одному очень хорошему врачу-узисту, который якобы любую патологию замечает. Второе УЗИ сделали на двадцатой неделе. На тридцатой неделе я ходила в местную клинику. Просто для галочки. Легла. Врачи долго смотрели на экран. Из четырех отделов сердца у моего ребёнка было только три.

С таким пороком сердца идёт в придачу синдром Дауна. Но врачи так и не сказали, что у него синдром, хотя можно было даже по косточкам это понять. Что поделаешь, тридцатая неделя. Уже все: рожаеть и растить.

Вышла я оттуда и рыдала, конечно. Шла по отделению, передо мной шёл врач. Даже не обнял. Нет, у нас так не принято. Хотя и ему плохо было. А я тянулась с этим животом, как кенгуру, вся в слезах и соплях.

Как я доходила эти два месяца, не знаю. Наверное, благодаря папе и одной женщине, что в церкви работала. Вроде ничего и не сделала она, но стала для меня поддержкой из-за своего такого хорошего и доброжелательного отношения. Тогда я впала очень глубоко в религию. Я верила, что мне Бог поможет.

Я ж не знала, что это не только сердце И я ходила молилась, ездила к святыням, свечечку дома каждый вечер зажигала и молитвы мы все, даже моя дочка, читали, чтобы у братика сердечко выздоровело.

Рожала я долго, двенадцать часов мучалась. Тимофей родился красивый, хороший. Реаниматолог в ногах с ребёнком стала, мне его повернула и говорит: “Мамочка! Вы видите вашего ребёнка?” Я говорю: “Вижу”. “Мы хотим вам сказать, что у вас особенный ребенок появился”. Я очень боялась это услышать. Но поразила тому, как

спокойно я ей ответила: “Спасибо. Всё понятно. Мы с мужем такой вариант предполагали”.

Затем его снова забрали от меня в реанимацию, в кювез. А меня положили в палату вместе с мамами, которые родили здоровых детей. Они своих кормят, а я лежу. И не могу видеть всего этого счастья вселенского, потому что у меня горе. Я подошла к медсёстрам и говорю: “Девочки, давайте так: или я ночую сегодня здесь в коридоре на полу, или вы меня переселяете в другую палату”. Они меня и положили палату к беременной, у которой ребёнок в неправильном положении находился. Потом ко мне приехал муж с моей лучшей подругой. Я попросила её принести мне книгу. Когда я читала, то не понимала даже, что читаю. Я просто читала слова, чтобы не думать о том, что у меня все плохо в жизни стало.

Реаниматолог сказал, чтобы точно подтвердить синдром Дауна, надо делать анализы. Месяц мы ждали результатов. Я тогда съездила в Брестскую область к одному знаменитому монаху. Он видит все, что человек сделал, и если он натворил что-то плохое, то монах не будет с ним беседовать, даже если тот будет лезть к нему. В общем, я стояла в стороне, но монах этот сам ко мне подошел. Люди кланялись вокруг, кто-то на колени падал. Он положил свои руки на мои и говорит: “Врачи виноваты?” А врачи-то на самом деле были виноваты. Они же не заметили. Я против аборт и верю в Бога, у меня крест на шее, но если бы мне сказали, что у меня ребёнок с синдромом Дауна и с таким больным сердцем, я бы сделала вынужденный аборт. Он все равно бы умер. Так зачем нам мучаться, если всё это можно было прекратить намного раньше? Он же ещё в двенадцать недель совсем не человечек.

Тогда этот монах продолжил: “Всё будет хорошо. Живи с мужем”. И когда мне монах ответил, я поняла, что это случайность и что дальше у меня будут здоровые дети. Через два дня мне звонит генетик, подтверждает синдром и говорит, что это случайность.

Тимоша долго лежал в разных больницах. С каждым переводом из палаты в палату, из больницы в больницу условия ухудшались. Врачи всё ждали, что он умрет. Даже на третий день разрешили мне его покрестить. А он девять месяцев прожил, ровно день в день.

Когда мы Тимошу домой забрали, папа переехал ко мне и до последнего поддерживал, хотя у него глаукома была и он не видел ничего. Я его кормила с ложки, Машу со школы забирала и о Тимофее заботилась. Полгода мне его даже запрещали купать, чтобы не простудился. Когда моя мама ко мне приехала, я ей предложила покупать

Тимофея. Хоть раз в жизни хотелось сделать ему счастье. Мне было плевать на запрет. Мы его буквально на две минутки опустили. Как быстро и крепко он потом заснул. Это был единственный раз, когда мы его купали.

Своё первое “мама” сказал, когда ему было ближе к 9 месяцам. В апреле, к Пасхе, он начал умирать. У него ни с того ни с сего поднималась температура. Врач нам сказал, что как только он будет весит 6 килограммов, то начнёт умирать, потому что сердце не сможет справляться с нагрузками. Я его взвесила. 6 200.

Температура перестала сбиваться. Мы повезли его в больницу. У нас на такой случай уже план был. Даже в коридоре сумка стояла с лекарствами. Готовили их нам отдельно по специальному заказу. В день он выпивал по двенадцать препаратов. Мы с дочкой буквы учили по бумажкам от лекарств, которые нам давали, а не по азбуке.

Все сотрудники реанимации были абсолютно спокойны и, конечно, доброжелательны. Но у меня внутри все горело. Его кололи, чтобы сбить температуру. Она не проходила. Все вены пропали. Он так плакал, когда в него тыкали эти иголки. Потом как-то его лоб стал красный, а затем и вся голова. А я стояла над ним и молилась, чтобы это все поскорее прошло.

Мне сказали, что умереть он должен быстро. А умирал он долго. Двадцать дней лежал на искусственной вентиляции лёгких. Весь отек и в девять месяцев весил уже двадцать килограммов. Его привязали, чтобы он не трогал трубки ручками. Он был в одном памперсе, накрытый простыней и больше не походил на себя. Врачи и медсёстры над ним стояли круглосуточно. Его вводили в искусственный сон, но препараты перестали действовать, и он продолжал с закрытыми глазами махать руками и ногами. Как-то в одну пересменку я пришла навестить его, но меня не пускали. Когда я все же зашла и увидела его всего связанного, то меня охватил чистый ужас. Врачи сказали не подходить. Я постояла на месте, а потом все-таки подошла. Смотрю на него, а по его щеке течёт одна слезинка. Я это на всю жизнь запомню. В реанимации нашей он был первым таким ребёнком. Все врачи плакали вместе со мной.

Тридцатого мая нашего Тимошки не стало. Я пришла к нему за день до смерти, спросила у врача, можно ли мне остаться на ночь, потому что я уже все поняла. Не разрешили, мол, что мне здесь делать. На следующее утро я позвонила, и мне ответила медсестра, что Тимоша умер. Я думала, что плакать не буду, но все равно ревела.

На похороны я никого не приглашала, даже с работы. Я просто не хотела видеть во взглядах людей сочувствие и жалость. Я хотела прийти и увидеть ту атмосферу, которая была до моего декрета и всего этого ужаса. Вернуться, как будто ничего этого не было. Через три месяца все увидели, где Тимоша похоронен, потому что рядом мы похоронили моего папу. Я туда часто ходила, и зимой ходила, и разговаривала с ними.

Маша очень жалела своего братика. Когда в школе у неё спросили, есть ли у неё братья или сёстры, она пришла домой и спросила меня: “Мама, а можно я не буду говорить, что у меня был братик?” Потому что хочется забыть.

Я всегда хотела, чтобы у моей дочки был кто-нибудь ещё. Но очень боялась заводить детей. Вокруг жизнь шла, а я в этих смертях погрязла. Ничего и никого не хотела. Мужа забросила. В спальне телевизор смотрела, а он уселся за свои стрелялки. Намакал на выполнение супружеского долга, а я ни в какую. Боялась, что забеременею.

Через четыре года я попробовала забеременеть, и у меня случился выкидыш. А потом я родила Аню, своего третьего ребёнка. С этих пор все как-то изменилось. У Маши появилась сестрёнка, о которой она заботится. У нас с мужем появился лучик счастья, и тот период молчания между нами прошёл. Монах все-таки был прав. Для себя я поняла, что раз у меня появился ещё один ребёнок, значит, перед Богом я не грешна и поступила так, как нужно было поступить.